

18+ ФАЛЛЬ ЯСИН

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДОВИЩЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ • ЧАСТЬ ВТОРАЯ

MILLE OUCUIYA

10000

Ясин Фалль

Маленькое чудовище

«Издательские решения»

Фалль Я.

Маленькое чудовище / Я. Фалль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681561-2

В этом романе африканская повседневность наполнена магическим реализмом. За яркими праздниками и детскими грезами ощущается присутствие чего-то неведомого, подталкивающего к размышлениям о философских вопросах: о жертве, вере и судьбе. В атмосферных картинах Мавритании оживают запахи пустыни, шум улиц и ритм жизни «Шелудивого» города. Поэтичный язык и глубокая образность превращают чтение в незабываемое путешествие, где реальность и тайна переплетаются воедино.

ISBN 978-5-00-681561-2

© Фалль Я.

© Издательские решения

Содержание

Первая часть	7
1. «Шелудивый» город	7
2. Новый помощник продавца	10
3. «Низкий вам поклон, меня зовут Образование!»	18
4. «Обобратить торгаша»	23
5. «Курица» научилась летать	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Маленькое чудовище

Ясин Фалль

*Моей любимой дочке Веронике Щтыкар,
всем на свете родителям*

Редактор Полина Игоревна Голубева
Корректор Сергей Ким

© Ясин Фалль, 2025

ISBN 978-5-0068-1561-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После тридцати лет незыблемого атеизма Творец всё-таки дал понять, что Он есть. На что я пока могу ответить только одно: мне очень жаль, по-человечески жаль. А значит, если Бог существует, то всё дозволено, ибо я – всего лишь воля Его. Однако до полного отрицания, до глубокого разочарования шло жесточайшее противостояние.

«Маленькое чудовище» – свежее испеченная жемчужина современной литературы, иронично выписанная в удивительно аутентичной языковой палитре. Настоящее удовольствие наблюдать, как Ясин Фалль филигранно жонглирует словами в стиле магистра Йоды из «Звездных войн», сплетая кружево поэтической мелодики.

Автор окунает читателя в колоритный мир Мавритании: пара строк, и ты уже вдыхаешь песчаные ароматы Сахары и пересчитываешь стопами каждый камешек Нуакиота – такого родного, такого ненавистного «Шелудивого» города.

Мы становимся свидетелями эклектичного и философского пути простого африканского мальчишки к непоправимому, фатальному повороту грядущего. Каждый его шаг, каждая внутренняя борьба прорисованы с такой глубиной и пронизательностью, что кажется, будто ты сам все крепче вырастаешь в жестокую и дикую историю одного маленького человека.

#

Голубева Полина Игоревна

Помню, мне было десять лет. Я стоял в проёме двери гостиной, заслонив собой дневной свет. С трудом я удержал двуствольное ружьё, направленное на отца. Руки тряслись от тяжести дерева и холода металла, а сердце что есть духу колотилось. Запах пороха в воздухе развеян, одурманил юное сознание. Настал момент истины для обидчика детей. Передо мной сидели отец и его друзья. Они, словно шайка гиеновых собак, принимающая корм из миски, бесцеремонно чавкали, уничтожали остатки пищи на своём пути. При виде меня с дробовиком в руках наступила восклицательная тишина. Что могло сподвигнуть десятилетнего ребёнка взяться за оружие для взрослых?

Через мушку я лицезрел застывшую в ужасе глотку врага и видел, как его рот широко открылся, оголяя зубы с остатками недожёванной пищи. Я слышал, как сердце его перестало биться. Читал в глазах молитвы души, застигнутой врасплох. Ещё бы – любимый сын, в которого вложили всю душу, хочет его убить. Никогда ещё в Африке дитя не направляло ружьё на собственного отца.

Не помню точно, когда всё началось. Моему безумию была одна основная причина: растущее сознание просило своё, отец же требовал усмирения аппетита. Однако желание не понимает слова «нет». Возникшее недоразумение пробудило в маленьком ребёнке большое чудовище. Но однозначно всё началось задолго до этого кульминационного момента.

Первая часть

1. «Шелудивый» город

Я отпущен в свободное плавание и на откуп городским тёмным переулкам, обзавёлся многими друзьями, с которыми играл и делил все отрады жизни вне дома. Нет в Африке Деда Мороза, к которому можно обращаться раз в год за подарками – я так и остался без вождельного игрушечного поезда с рельсами и мостами. Незнакома мне и зубная фея. Она бы подложила несколько скромных монет под подушку взамен выпавших молочных зубов – непростибельный просчёт в стране торгашей. Не знал я и о прочих сказочных героях. Они бы пришли на помощь в беде, а ведь была потребность. Однако рядом никого не оказалось, даже ангела-хранителя. А Бог находился на противоположной стороне.

День рождения в Мавритании отмечают только раз в жизни, при появлении на свет. Естественно, я не мог помнить то событие, но, несомненно, это был самый роскошный праздник во всей Сахаре. Ведь в мою честь зарезали не барана, как обычно в таких случаях, а забили целого верблюда. О том дне гриоты слагали легенды. Я был путеводной звездой, светом во мраке, долгожданной обетованной землёй и всем для отца. Никогда ранее никто не додумался так отмечать рождение сына. Но это скорее исключение из правил, чёрный континент не балует своих детей, родился – и слава богу.

После того как я гордо встал на ножки и начал разбираться в местности, меня оставили один на один с этим незнакомым миром. Однако это было и моё решение. Я мог сидеть на кухне рядом с мамой и ни о чём не беспокоиться, но нет, это разве стезя храбрых? Сделав твёрдый выбор, я вышел смелым шагом из дома. Вместе с друзьями мы бросили вызов самоуверенному миру, где нет головорезов, но есть много городских «шакалов» разных оттенков хитрости. Мне по душе каникулы в Мавритании, они длятся три месяца, в маленьком возрасте – это целая вечность.

Помню, после плотного завтрака я вышел из дома и оказался в крепких объятьях кровной улицы. Яркий солнечный день тепло приветствовал, а прохладный ветерок игриво щекотал лицо. Несомненно, мир приглашал резвиться. Что может быть прекраснее, чем близкие сердцу просторы?

Три четверти своего бодрствования я проводил на улице. В глаза врезалась обыденность этих мест. Выходящая из соседней лачуги молодая женщина с трудом несла в руках большой тяжёлый металлический таз. Остановившись посередине улицы, вылила мутно-серое содержимое на землю в шаг передо мной, громко отпрыгнув:

– Будь ты проклят! Чтобы все на этой грязной земле сдохли, до единого!

Слова смелые, слуху непривычны, для мавританского разума – оглушительны. Обомлевший на мгновение, я замер. Застыл и мир вокруг, словно приказали внести смуту в сознание жителя Сахары. В голове зазвучал голос мечети, воображаемый муэдзин зазывал всех на совещание с Богом. Что могло так сильно разозлить мавританских женщин. Никогда ещё на моей памяти не слышал такое неистовое сочетание слов. Люди обычно строго держали язык за зубами – не дай бог Бога из себя выводить. Мысли обыденны для подлинного жителя Нуакшота, однако слова непривычны для слуха. Эти согревающие душу грязные понятия, крамольные мысли мы обычно трепетно держали глубоко внутри. Но чтобы об этом громко объявить?

Женщина смелая – женщина не из мира сего.

«Вроде сегодня не день большой стирки», – пролетела мимо мысль. Однако явь срочно напомнила о себе, на меня надвигалась огромная волна грязно-серой жидкости. Я очнулся, успев отпрыгнуть в сторону.

– Вы что? – крикнул я вне себя от злости. – Куда смотрите?

– Что хочу, то и делаю! Ещё вопросы будут?

– Чего?!

– Заткнись, мелкая букашка!

– Прошу жаргон придержать, женщина! – повторил я любимую фразу дяди Джибриля.

– Молоко не высохло на губах, а уже говорит, как взрослый. Ну-ка быстро скажи, в каком доме живёшь?

– Хотите жаловаться моим родителям? Вы что, мне угрожаете?

– Официально заявляю – ещё как угрожаю! И что сделаешь, букашка? Побежишь мамочке поплакаться в юбку?

– Берега попутали?

– Острым перцем объелся? Что дерзкий такой? Быстро топай сюда, мелкий гад!

– А вы что, думаете, меня так просто напугать?

Воздух пахивал гарью, и в горле першило, не было желания бодаться с озлобленной незнакомкой. От греха подальше я сделал несколько шагов в сторону.

– Куда собрался, жук навозный? Ну-ка иди сюда, сопливый!

– С какого перепуга?

– А я тебе дам титьку понюхать, шавка гиеновая!

– У вас что, ум за разум зашёл?

В столице пустыни часто дают волю своему вспльчивому нраву, но дело никогда не доводят до драки – кажется, культура не позволяет. Здесь в основном следуют известному народному принципу: «Держите меня семеро» и «Не дай бог, не удержите!». Главная причина кроется в том, что на этой земле не принято бить людей, иначе станете изгоем для общества. Такое варварство не прощается. Однако детей пороть – святая обязанность взрослого жителя города.

Спор нарастал, и дело пахивало психиатрией. Моя неистовая собеседница явно была не в себе. Смысла нет поддерживать «душевный» разговор в стране, где взрослым всё, а детям – ничего. Во всём виноваты будут последние. Почему? Потому что старших нужно уважать. А женщина в этом государстве всегда права, пока разделяет главные ценности общества: муж – охотник и глава семьи, жена – послушная домохозяйка, а дети – те, кто во всех бедах виноват. И никто не поручится, что домашние хлопоты будут проще, чем трудности охоты. Разделение труда, может, и справедливо, но жаловаться на судьбу – святая обязанность примерного жителя этого паршивого города. Да и «тигроловы» пошли не бог весть какие. Давно никто из них не приносил домой мамонта. Одни зайцы да вонючие грызуны. Отсюда и недовольство слабого пола, скоро и женщинам придётся идти на охоту.

Огибая мутную лужу, что образовалась передо мной, я шагнул навстречу солнцу. Однако голос недовольной особы меня быстро догнал:

– Ну-ка вернись, козявка невоспитанная, я ещё не всё сказала!

– До свидания! – крикнул я с безопасного расстояния.

– Иди сюда, гад ползучий! Куда собрался?

Сдаётся мне, что коты на этой проклятой земле не только перестали ловить мышей, но и плохо справляются со своими супружескими обязанностями. Моя разгорячённая собеседница задыхалась от злости, и на это у неё должны быть веские причины, но печаль взрослых – не забота маленьких. Я не горел желанием испортить себе настроение. День обещал быть бодрым и на веселье щедрым. Солнце, далёкое от зенита, слабо грело. Своими просторами родные улицы душу радовали, а ветер бодрил духом свежим.

Я шёл непринуждённо, временами вальяжно. Передо мной простирался не безукоризненный, но привычный пейзаж нуакшотских улиц. Природа в этих краях не балует, а страна бедна историей, культурой, населением, умами... Песок, некогда прозрачно-жёлтый, от грязи

стал чёрным. Ещё день-другой, и смело сможет соперничать с угольными шахтами. Все элементы таблицы Менделеева под ногами покоятся. Эта многострадальная земля впитала в себя коварство всех формул стирального порошка, всех оттенков хозяйственного мыла, всех отходов человеческой деятельности. Тысячи стеклянных осколков, бесчисленная армия ржавых гвоздей, смешанные с песком, бдят, ожидая своего часа. Надзирают из земли и тонны строительного мусора – от щепки до досок, от гравия до камней, от цемента до кирпичей, от проволоки до лома. Этот суровый край впитал в себя непередаваемую боль людской судьбы – от рабства до насильственной исламизации и колонизации. Две расы, говорящие на четырёх языках, состоящие из пяти народностей, терпеливо обитают в этом суровом краю, и неизвестно, чем закончится история. Дай бог – миром и процветанием.

Я поднял взор вдаль, пренебрегая неопрятностью улиц, но, увы, от неряшливости реалий этих суровых мест ни за какой ширмой не скрыться. В глаза то и дело врезалась невзрачность местности, мусор, разбросанный всюду, особенно досаждал. Разноцветные рваные полиэтиленовые ключья, засеянные в землю, торчали из песка, впрочем, лохмотья эти – единственное, что «растёт» в бесплодной почве Нуакшота. Картина пёстрая, вызывает недоумение, гнев и слёзы, но и вместе с тем заставляет улыбаться. Пищи для размышления более чем достаточно.

Внимание зачастую отвлекает то хромая коза, то беззаботный баран, то бродячая собака. А если откликнуться на шумовой фон, то обязательно услышите и рёв души блохастого осла, и мычание коровы, недовольной судьбой. Столица пустыни до боли напоминает лоскутное одеяло, томившееся в мусорном ведре несколько вечностей. Природа скудная, люди бедные, воздух знойный, улицы грязные, и это – обычная действительность гнусного города. Днём мухи не дают житья, ночью – комары. Мы не замечаем, в какой глуши живём, пока не находим, с чем её сравнить. Если долго пребывать в выгребной яме, то непременно привыкнете к богатству оттенков непревзойдённого духа местности. Скоро начнёте искусно разбирать фекалии по видам и подвидам. А если вы в этой среде родились, то ждите беду, от одного глотка свежего воздуха можно дух испустить.

Город воистину шелудивый и отдаёт вшивой псиной. Он один такой на свете, и в этом есть тонкая нота дерзости – привкус благородного острого перца в невзрачном блюде. Мавритания дышит вопреки, а не благодаря. Нуакшот вызывающе стоит среди безжизненных барханов – то ли наложить на себя руки, то ли вызов бросить судьбе, то ли смиренно поклониться Богу. Там, где трава не растёт, а чёрт давно на всё махнул рукой, выросла огромная деревня, которая кишит жизнью. И если закрыть глаза на грязь и жгучие запахи, то можно найти золотую середину и вдохнуть полной грудью. Благо здесь вихры, вечно бушующие, быстро избавляют от смрада, а палящий зной ускоряет разложение нечистот.

Детский вердикт вышел неутешительный для здравого смысла: в аду можно жить, а в шелудивом городе – строить своё счастье, даже если оно возведено будет на обломках чужой неудачи. В этом мире, кажется, живут хорошо только равнодушные к беде ближнего. Но счастье счастьем рознь. Не так ли?

2. Новый помощник продавца

Я шёл и радовался, пока не споткнулся о мысль дельную: а как же десерт? После плотного завтрака нужна сладкая конфетка. Развернувшись, я направился обратно. В то время папа держал маленький продуктовый магазин, где работали всего два человека: ответственный Абдаллахи и его вежливый помощник из соседней страны. Я не знал, как зовут последнего, но разве существенно для шахматиста, как называется битая фигура?

Когда заглянул в магазин, то заметил, что вместо старого помощника красуется новый, маленький, излишне тёмный. Король умер, да здравствует король! На квантовом уровне появление незнакомого человека в поле зрения вызывает неудобство в подсознании, требует времени, чтобы привыкнуть к присутствию этой личности, заставляет мозг делать расчёты и внести новый элемент в базу данных.

У нашего свежее испечённого героя кожа настолько чёрная, что вызывала зависть у самой тёмной ночи, а мрак, ледяной от глубокого уважения, беспрестанно целовал ему ноги. Не осталась в стороне и чёрная звезда, что удерживает Млечный Путь – где ей взять столько материи тёмной? А как быть князю тьмы? Разве что рвать на себе волосы?

На свету кожа сверкала и переливалась весёлым синим оттенком. Похоже, у новенького кровь голубая. Не исключено, что передо мной потомок древних африканских королей. Судя по виду и габаритам, он был старше меня, но всё ещё ребёнок. Возможно, подросток. На первый взгляд это наидобрейший человек, что на языке улиц означало: необычайно простодушный. Из глаз исходила самая что ни на есть доброта. Это был неискушённый, городом ещё не испорченный человек. Я бы сказал, чересчур непритязательный для таких мест. Столица пустыни однозначно его недостойна. Видно, только спустился с барханов мавританской Сахары. Худощавое лицо и большие мягкосердечные глаза свидетельствовали об этом. От него исходил ещё свежий аромат деревни. В воздухе пахло кислым верблюжьим молоком и коровьим навозом.

К сожалению, что хорошо по природе своей – отрицательно в искусственном мире. Доброта – плохая черта для человека, живущего в большом городе. Кислорода, может, и всем хватает, но с пищей большая беда. Присутствие такого элемента в крупном населённом пункте, где паразитирует масса бессовестных людей всех калибров и мастей, нарушает гармонию этого города и действует на жителей словно красная тряпка на быка. Рискованно быть красивым среди уродов. Чтобы обезопасить себя, придётся выучить назубок пословицу: «С волками быть, по-волчьи выть». Добро необходимо как кислород, но без кулаков оно превращается в злокачественную опухоль и рано или поздно ополчится на своего носителя.

Мне уже десять лет, и у меня сложилось устойчивое представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. Главные уроки бытия я получал не только дома, но и от жизни на просторах нуакшотских улиц: удовольствие желанно, боль противопоказана. Всё тривиально, мой подход предельно ясен – блаженствовать всеми фибрами души, даже если придётся идти по лезвию ножа. Правда, боль не по душе, но разве мудрость – конёк маленьких? Умные, конечно, учатся на чужих ошибках, но дети – только на собственных. Другого не дано.

В своей мудрости не было тени сомнений даже в том возрасте: я прав, пока обратное не доказано. Нутром чувствовал, в большом городе скромность – плохая черта. Если взять крепость, то штурмом и дерзостью. Своей сегодняшней стеснительностью я обязан длинному жизненному пути и роковому конфликту, что в том возрасте противопоставил отцу.

Оказывается, к Абдаллахи приехал его тринадцатилетний племянник из глубоких песчаных недр Мавритании, который, думаю, кроме игр в догонялки с осликами, прятков с баранами и забегов на верблюдах, ничего не видел в этой паршивой жизни. Скорее всего, он не знает, как

выглядит футбольный мяч, никогда не играл на деньги, отродясь не слушал хорошую музыку. Разве он поймёт магию движения картин? Кроме Корана книг не читал, а комиксы – волшебное слово. Ни карате, ни бокс, ничего он не знал об акульем мире, куда я каждый день нырял до самого дна и выплывал почти без царапин. Подозреваю, наш бедуин видел автомобиль всего раз в жизни. Надеюсь, он не приехал верхом на верблюде. Посещать столицу пустыни опрометчиво с его стороны.

Личность крайне забавная. Во мне проснулась городская наука – желание проучить тех, кто оступился, пробудилась ненависть ко всему простому и деревенскому.

Зрительная связь установлена, эскиз психологического портрета набросан. Выводы неутешительны для человечности: новый помощник продавца ужасен и недостойн быть жителем столицы пустыни. Его главная ошибка: слишком уж он добр. Ничего не купив, я вышел из магазина и направился к своим друзьям.

Голову будоражили мысли недобрые, но чертовски занимательные. Довольный собой, я сиял от счастья, мерцала и Вселенная вокруг. Грустите, и жизнь к вам повернётся мохнатым задом, радуйтесь – даже без причин, – и мироздание вам положительно ответит.

Солнце, драгоценное, тёплыми лучами нежно ласкало, прохладный ветерок с лёгким запахом Атлантического океана игриво душу дразнил. Жизнелюбие проснулось в каждой клетке тела, счастье наполнило сердце до краёв. Из глубин сознания незаметно подкралось желание проучить нового продавца за дерзость посетить город без разрешения его маленьких жителей. Замысел нежно щекотал нервы и приятно ласкал душу. Затея под стать моему детскому нраву. Лучше, чем рай, может быть только рай вдвойне. Я предвкушал большую долю глумлений над жителем деревни.

Однако мысль, внезапно поднявшись из глубин нравственных норм, доносила до поверхности сознания волнения, чуждые городскому юному разуму: нельзя глумиться над слабыми, бумеранги знают дорогу домой. В душе нарастало явное противоречие. Совесть требовала милосердия и доброты, а нутро хотело ещё немного блаженства, ещё чуточку безумия. Неужто быть счастливым – это преступление? Что важнее, конечный результат или способ его достижения? Разве поставить подножку слепой старухе и раствориться в восторге – не есть хорошо? Неужто нам не нужен рай? Не считаясь ни с чем. А схватить крокодила за глотку, заглянуть ему в пасть и уйти без единой царапины – не есть хорошо? Мораль непременно ответит: истерзать любое существо – плохо. Но сдаётся мне, что между старухой и рептилией имеется значительная разница.

Нет желания углубляться в устои общества, есть простая и понятная жажда получить удовольствие. Я имею право досаждать помощнику продавца до тех пор, пока не стошнит от блаженства. Чутьё маленького городского жителя шептало на ухо: в отличие от старухи, крокодил может дать болезненный ответ. Будущий соперник больше походил на крокодила. Не зазорно, когда противник равен по силе и духу. Если слабых нельзя бить, то сильных можно пинать, и от всей души.

Я шёл и думал, пока ко мне радостно не прибежал Рекс, местная бродячая дворняга, которая принадлежала всем и никому. Но сдаётся мне, что общая собака просто всем хороший друг и товарищ. Во многом мы были похожи, оба считали улицу своим домом. Рекс радостно вилял хвостом, направляя на меня просящие сердечные глаза, а я смотрел на него сверху, усмехаясь. Он не был похож на своих сородичей из шелудивого города, маленький рост и небольшой вес ярко его выделяли. Во мне опомнилось добро, на лице засияла широкая улыбка. Машинально я пал на колени и крепко обнял слюнявого друга.

– Привет, Рексик! Ты даже не представляешь, как рад тебя видеть. Извини, что нечем угостить, но обещаю, в следующий раз исправлюсь.

– Гав, гав, гав!.. – радостно лаял он в ответ.

– Скажи, мой дорогой друг, почему ты всегда такой добрый? Разве у тебя никогда не возникает простого человеческого желания почудить иногда, замучить кого-нибудь до чёртиков? В конце концов, подножку поставить соседу, чтобы он плюхнулся со всей дури поганой мордой в вонючую землю?

– Гав-гав!

– А нагадить злой соседке в сандалии?

– Гав-гав!

– Нет! Ты что говоришь? А раздавить таракана? Укусить недруга за бок и описаться от счастья, пока он скулит от боли мучительной? Нет?

– Гав-гав!

– Эх, что за собака такая? Не получится из тебя хороший человек.

Рекс, как ни странно, отрицал насилие, и в этом мы с ним были прямой противоположностью. И всё-таки моё нутро с этим не смирилось, я решил задать другу каверзный вопрос:

– Скажи, ты бы смог наступить кошке на хвост? Ухватить за бочок, поднять и потрепать от всей души? Например, кота Алиена, того жирного и наглого. Ты понял, о ком я? Как тебе предложение?

Мой «собеседник» на этот раз не спешил с ответом, и этим всё было сказано. Значит, не всё потеряно.

– Гав-гав!

– Когда-нибудь я тебя научу получать простое удовольствие от непростых поступков. Не забудь напомнить мне об этом позже. Хорошо?

– Гав!

– Хотя... Давай вечером, после ужина, я тебе принесу косточки? Договорились?

– Гав!

– Не наешься, конечно, но заморишь червячка и заодно челюсти отполируешь. И тогда, возможно, в тебе проснётся инстинкт настоящего убийцы. Хорошо?

– Гав!

– Вот и славно. А пока я пойду обдумаю детали одного коварного дела, – ухмыляясь, попрощался я с другом.

Я встал с колен и пошёл к своим приятелям. Полагаю, они уже собрались у фонарного столба на соседней улице. Рекс бежал за мной какое-то время, пока не понял, что даже самый любящий человек иногда нуждается в одиночестве. Мысли разные приходили в голову. Однако участвовавший в висках пульс напомнил о нехватке сахара в организме. Конфеты! Я же не купил конфеты. Рука машинально спустилась в карман, но там оказались лишь одна жвачка и несколько мелких монет. Это не то, что нужно мне сейчас. Развернувшись, я снова направился в магазин и у входа столкнулся с дядей Абдаллахи. Не заметив меня, старший продавец стремительно прошёл мимо, словно его звали на не терпящее отлагательств собеседование с проктологом. Он явно опаздывал, а голову тревожили мысли о содержимом прямой кишки.

Прошло немного времени прежде, чем остыл след от старшего продавца. Я сосредоточился, ко мне возвратилась на мгновение утерянная уверенность в себе. От переизбытка жары в организме я вновь спесиво стоял у входа магазина в одних шортах, а футболку поло гордо держал за петельку, перебросив через левое плечо. Живот завтраком набит, высокомерно торчал наружу и, кажется, искал приключений на свой пупок. Умышленная громкая отрыжка наполнила воздух запахом булки с маслом и кофе с молоком, сгустила в пространстве моё невозмутимое бесстрашие.

Новый продавец заметил меня – поднял брови, сморщил лицо и быстро опустил взгляд. Руки на бёдрах, рот на замке – я надменно стоял, словно сам Бог по жизни мне должен. И всё-таки этот мир создан не для скромных и пугливых. В большой саванне, где бал правят гиены, есть только одна почётная роль для антилопы: быть главным блюдом на скромном столе хищников. К сожалению, исключительно добрые, честные и храбрые, как правило, долго не живут. Если, конечно, они ещё водятся на белом свете.

Отпустив руку в карман шорт, я достал жвачку, ловко освободил от упаковки и положил в рот до того, как обёртка прикоснулась к земле. Незамысловатые движения, отработанные до автоматизма, которые я неосознанно совершал много раз в день, сейчас были осмысленные, преднамеренные и показательные. Благодаря им укреплялись мой дух и статус на собственной улице. Этими движениями, своим поведением и многими другими действиями я метил принадлежащую мне по праву территорию, дабы никому не пришло в голову посягать на святое. Никого я не готов терпеть на родной улице-кормилице. Детский эгоизм? Возможно. Инстинкты защищать своё? Несомненно.

Что происходит в мозгу десятилетнего африканского ребёнка, отпущенного на все четыре стороны? Меня не заперли с компьютером между четырёх стен, лишь бы был рядом. От меня не откупились новым смартфоном, лишь бы не мешал жить. Мне подарили свободу. Улица стала домом, а жилище нужно оборонять от посягательств чужих. На просторах города правила диктуются обстоятельствами и теми, у кого сила и зачатки ума в избытке. Борьба жесточайшая, приходится искать единомышленников, чтобы вместе строить свой мир и сообща заступаться друг за друга. Присутствие каждого нового лица на моей улице – это брошенный вызов лично мне и моим друзьям.

Я спесиво стоял и неспешно жевал, вкушая каждый момент этой гастрономической эпопеи. Тот, кто в детстве пробовал жвачку, меня поймёт. Это тонкая материя, над которой кропотливо работали гении человеческой мысли, дабы маленькие наслаждались всеми оттенками фруктовых вкусов. Будет несправедливо, однако, сводить все преимущества этого высококачественного продукта к незабываемым вкусовым ощущениям. Жвачка – это ещё и лучший антидепрессант в мире. Она устраняет страх и тревогу, успокаивает и даёт чувство невозмутимости, переходящее в неуязвимость. Главное – не переборщить с этим средством. Передозировка вызывает приятные галлюцинации: померещится, что вы – царь горы.

Затягивая удовольствие, я наслаждался каждым миготом этой сладкой сцены. Объект моего внимания выглядел жалким, а я тяжёлым взором презренно его изучал. «Милосердие», – просила душа бедолаги. Но нет у меня сострадания, человечность – не детская слабость.

С расстояния трёх метров, облокотившись о стену у двери, я досконально изучал деревенщину, а он, скукожившись, закрылся в своём психологическом панцире, как делает моя черепаха. Слегка оттопырив нижнюю губу, словно Вселенная нагадила ему в обувь, он стыдливым взглядом сверлил пол. Опустив голову, маленький продавец представил моему взору широкий лоб, надеюсь, не от избытка ума. Кожа жирная и потому ярко сверкала, затмив блеск разноцветных этикеток от товара, что стоял на полках сзади. Мелкие капельки пота предательски вырисовывались на лбу, свидетельствуя о бурной мозговой деятельности. Короткие, кудрявые, на солнце обгоревшие волосы – грязные. Среди тёмно-рыжих кудрей то и дело мелькали песчинки жёлтого цвета, непохожие на чёрный уличный песок шелудивого города. Наш герой был одет в клетчатую чёрно-белую рубашку с короткими рукавами, из которых торчали две несуразные конечности. Ногти грязные, пальцы толстые, кисти большие, предплечья тонкие. Левой рукой он тербил свой подбородок, словно в этом месте сгустилось всё серое вещество. Не удивлюсь, если это было так.

Никчёмность исходила отовсюду. Я уже забыл, зачем вернулся, и думал только о том, как нащупать слабые места деревенского олуха. Его ноги скрылись от моего взора за стоящую между нами витринную стойку метровой высоты. Однако это было не столь важно – допод-

лино известно, что нижние конечности кривые и волосатые, как у всех бедуинов. Вековые путешествия верхом на кораблях пустыни дают о себе знать даже на генетическом уровне.

Я долго стоял и молча наблюдал – ни здравствуй, ни привет, ни добро пожаловать тебе в этот гнусный город, лишь презрение, надменность и ничего другого. Глаза пристально смотрели в одну точку, строго, прямо и в упор. Цепкий, испепеляющий взгляд пронзил моего угрюмого визави. Безгласное громыхание дрели в его голове сводило несчастного с ума. Охвачен паникой, он впал в смятение. Не знала добрая душа, как быть в такой типичной городской обстановке. Полагаю, в деревенской школе, где он сидел за партой между дворняжкой и беременной козой, этому не учат. Бедолаге не стоялось на месте, за глотку схватил паралич ума, в прямой кишке хозяйничали червы, насытившись сильнодействующими веществами. Что ему не сиделось в своей деревне?

Осенило. Мысль прекрасная внезапно озарила угрюмого, одним духом он пролетел трёхметровое расстояние, отделяющее его от холодильника. Что вдруг потянуло к несчастному хранилищу скоропортящихся продуктов? Неужто между ними возникло неодолимое притяжение душ? Маловероятно, технике не свойственно ощущать. Полагаю, наш герой просто хотел оторваться от моей удушающей психологической хватки. Воздух – вещь необходимая даже для психики.

Оказавшись напротив объекта своих «вожделений», наш герой открыл дверцу с громким шумом и хмуро застыл, будто стая чёрных кошек несколько раз подряд перебежала ему дорогу. Вряд ли он ждал ответа от продуктов, не думаю, что уныние и смятение толкали излить душу содержимому холодильника. Скорее всего, страхом перегретый мозг завис. Но, к счастью, ненадолго. Опомнившись, наш маленький продавец начал с большим рвением копошиться в холодильнике, двигая продукты с места на место, возможно, в алфавитном порядке. Покончив со скоропортящимся товаром, он развернулся к стеллажу сзади и начал считать банки с концентрированным молоком, затем дошла очередь до растворимого кофе, следом пошёл консервированный горох, зелёная фасоль, морковка, смесь овощей... После того как всё посчитал, начал переставлять товар местами по одному богу известному порядку. Маловероятно, что невежда знаком с мудростями фэншуй.

Жалкое зрелище длилось долго. Картина больно напоминала трудящегося, сильно вовлечённого в рабочий процесс, однако лёгкая дрожь, охватившая всё тело, свидетельствовала о ледяном ужасе в душе деревенщины. Что муха с парализованными крыльями может противопоставить пауку, вооружённому липкой паутиной и сильнейшим ядом? Да ничего, разве что уповать на Бога, но быть реалистом.

С высоты своего пьедестала скажу вам: маркетолог из этой деревенской «овечки» никакой. Весь балаган затеян, дабы оторваться от паучьих чар. Но ухода от суровой действительности и клоунады недостаточно, чтобы избавиться от давления незнакомого города, особенно если речь идёт о столице пустыни и делёжке моей улицы.

Установив свои порядки на стеллаже, наш герой подошёл к кассе, открыл ящик и начал неспешно считать деньги. Торгаш из этого неуклюжего человека явно паршивый, а бухгалтер и подавно. Это было видно невооружённым глазом. Процесс, очевидно, нашему барану удавался с трудом. Сначала он тихо и медленно считал, затем всё быстрее и громче бормотал неясные цифры. Со стороны всё выглядело, словно маленький продавец разговаривал с кассой, а та, грешница валютная, стеснялась отвечать. Процесс явно походил на бред. Как разжевать деревенскому уму, что дела в городском магазине так не ведут? Как объяснить, что деньги считают, начиная с крупных банкнот, но ни в коем случае не с мелочи, и тем более не при всех и не так громко? Спасает страну только одно: строгая мораль и запрет на продажи оружия, наркотиков, алкоголя. Так и тянет взяться за дробовик и со всех сил орать: «Кошелёк или жизнь!» Только, боюсь, Мавритания выберет содержимое кошелька.

На мгновение я вселился в шкуру грабителя, но, к счастью, настоящих преступников не водится в этой стране. Пока ещё. Когда величайший «бухгалтер» всех времён и народов посчитал деньги от мелких монет до самых крупных купюр, он снова развернулся к полкам и начал по второму кругу передвигать товар. Моё терпение было на исходе.

Объект моего пристального внимания явно волновался. Об этом свидетельствовали невольно выпущенные газы, испортившие воздух в помещении. До меня доносился крепкий дух человеческого пота, и сопровождалось всё тонким оттенком верблюжьего навоза. Я отошёл на шаг назад. Благо широкие двери были распахнуты.

Наэлектризовался воздух, волосы на руках бедолаги встали дыбом, тело с головы до ног покрылось мурашками, и, казалось, старая шкура вот-вот взмахнёт крыльями и улетит вдаль от столичных суровых нравов. Височные вены пульсировали с большой частотой, а по лицу тонкими струями пробежал холодный пот. В голове деревенщины ощущалось давление, в душе – смятение. «Страх», кажется, называется сие явление. Он свойственен всем тварям божьим, недостойным жить в каменных джунглях, и присущ мелким рыбёшкам – акульему корму.

Глубоко в недрах маленького продавца всё будто пылало и дымило, нутро рвало и метало, ибо не знал он, как себя вести в крайне враждебной среде. Не имел простак и никаких сведений о нравственных устоях в больших городах. Однако незнание закона не освобождает от ответственности. Не так ли? Здесь нельзя показывать слабость, вас съедят без остатка и сожаления.

«Где хорошему человеку найти покой и простоту в отношениях?» – диву далась тишина в деревенской голове. Но небеса хранили строгое молчание, а объект моих наблюдений всё жаловался. Я слышал сплошной судорожный стук зубов, вызвавший трещины в барабанной перепонке провинциального жителя. Я чувствовал мысли громкие, оглушившие бедуинский разум. Доносилось до слуха и трение мозга о черепную коробку, и, кажется, слышалась молитва торгашеской души: «Отче наш... Хлеб насущный дай... И прости нам долги... И не введи нас в искушение, но избавь меня от лукавого, что стоит передо мной... Будь добр, Ад, умоляю, забери своих городских псов к себе домой...»

Тянет сказать «аминь», но на ум приходит только скорбь. На маленького торгаша подействовал мой змеиный гипноз. Я не произнёс ни слова – ни доброго, ни плохого. Просто прямым взглядом наблюдал и изучал сущность паршивца. Пойманная взором жертва гипноза благодарно стоит в ступоре, пока её не съедят. Знает, извившись до потери сил, муха, что из паутины нет пути к свободе, как и нет возврата к жизни. Есть только смирение и воля Его.

Пожалев объект своих безгласных издевательств, я вышел из магазина и направился к друзьям обуздать очередную игру. Что наша жизнь? Забава, да и только. Каждый в этом мире – охотник за наслаждением. Даже самый святой. Ибо нет другого смысла существования. И поиск ответа на вопрос, и с Богом уединение, и добровольное заточение – не что иное, как отличный от других взгляд на блаженство. Кому естественна простота, а кому боль в удовольствии. Результат один, пути разные.

Вечером стремительно надвигающийся на город мрак вновь застал на улице. Закат в Сахаре короткий. После изнурительной игры в футбол я неспешно направился домой. Навстречу шёл Большой Лемин – мой сосед и друг. Последнее понятие, конечно, слегка преувеличено. Возраст не позволял нам играть вместе в песочнице, уж больно многие годы разделяли. Ему, должно быть, семнадцать, а мне – всего десять лет. Он учился в старшей школе, а я

только закончил второй класс. Внушительные габариты наградили «друга» приставкой Большой. Мы часто собирались у него в гостях, чтобы услышать небылицы, анекдоты, просто интересные истории жизни.

Лемин шёл улыбаясь, в правой руке держал несколько книг.

– Сильно устал? – спросил он.

– Да, есть немного, – ответил я. – Как у тебя дела? Давно мы не собирались. Куда пропал?

– Учёба, экзамены, скоро высшее образование.

– Понятно. А у тебя в руке, случайно, не комиксы?

– Нет, прошёл тот час, пришла пора серьёзных книг.

– И что это значит?

– Пожаловало время нудной литературы, скучных персонажей, сложных формул... –

ответил он.

И, улыбаясь, добавил:

– Это и долгожданный черёд философии. Познать мир занятно, но порой больно. Как будто ты заново появляешься на свет.

– Всё так печально?

– Да, потому что мы рождаемся через муки. За девять месяцев в утробе матери ребёнок привыкает к окружающей обстановке, ему кажется, что это – вся Вселенная. Но скоро через мучительную боль он оказывается в большом незнакомом мире, где нужно строить свою хижину во враждебной среде. И как только возводишь новый дом, найдётся ещё один Серый Волк – разрушитель мировоззрений. И узнаешь, что земля не плоская, а Бог не такой... Ты слышал о трёх поросятах?

– Нет!

– Ничего страшного, потом расскажу. Больно осознавать ущербность нашего существования, ошибочность взглядов общества.

Стоя с книгами в руке среди полумрака вечернего Нуакшота, Большой Лемин увлечённо говорил и, кажется, не собирался останавливаться. Глаза собеседника вдруг заблестели, в них вспыхнуло отражение света от уличных фонарей, которые только что загорелись, напоминая о наступлении темноты. Издалека доносился голос муэдзина, зазывающий верующих на вечернюю молитву. Слова Большого казались тарабарщиной, но меня зацепила одна мысль...

– Земля не плоская, это как понять?

– Долго рассказывать, придёшь ко мне, и в спокойной обстановке я тебе разжую по крупинке.

– Может, после ужина соберёмся?

– Только не сегодня, занят буду.

– Давай тогда завтра?

– Хорошо, договорились.

Ушёл Лемин, и ко мне радостно прибежал младший брат Брагим. Неужели выиграл билет в рай?

– Пошли быстрее домой, – с одышкой произнёс он.

– И так туда иду! – возмутился я. – Ты что такой весёлый-то?

– Дядя Хамада приехал из Франции.

– И чему радоваться?

– Идём быстрее, может, нам подарки привёз оттуда?

Весть действительно приятная, в Африке особенно, но пришлось притвориться, что душе всё равно. Даже в шелудивом городе есть культура, и она учит сдержанности, скромности. С другой стороны, не хочется зря радоваться, вдруг дядя ничего не привёз. Мы шли, и я думал

о странных словах Леминга: не плоская земля, нудная литература, скучные персонажи, сложные формулы, образование...

3. «Низкий вам поклон, меня зовут Образование!»

Когда небесное светило шагнуло за горизонт, мрак быстро наступил, и птица Минерва взмыла высоко над засыпающим городом. Знание вновь засияло и темноту в умах рассеяло. Руки машинально тянулись к трофею Прометея, кажется, пробил час осмысления. Огонь любознательности воспламенился в голове, и от яркости ослепло сознание. Я оказался не готов, маленький возраст не позволяет разом поглотить много света. Не каждому невежде полезно знание. Оно может как лечить, так и покалечить.

Пришло время, и Его Превосходительство Образование без стука ворвалось в мою жизнь на сером французском першероне. «Добрый цивилизованный мир», страдающий последней стадией «альтруизма», покинул Старый Свет в поисках «дикарей», дабы с ними «делиться» христианским пониманием смысла жизни и благами французского просвещения. Не помню, что случилось с индейцами, когда они столкнулись с большими золотом конкистадорами, но след от тех простодушных гостеприимных аборигенов остыл давным-давно. За всю Африку не берусь отвечать, слишком большая она.

Говоря откровенно, знакомство с европейской культурой обошлось по человеческим меркам дорого. Думаю, и отцу тоже, правда, в меньшей степени. Однако, справедливости ради, нельзя винить во всём, что со мной случилось, исключительно европейскую культуру. До этого я ходил в исламскую школу со своим братом, где нас учили читать Коран и писать, приобщали к религиозным мудростям. Процесс занимал ровно два часа моего детского времени в день. Я ходил ещё и в официальную школу, где учили до третьего класса только арабскому литературному. Однако язык этот для повседневной жизни не особо годился. Кинотеатр, комиксы, мультфильмы... Всё, что можно назвать городским досугом, было доступно только с помощью высокого слога Виктора Гюго, кисти Тулуз-Лотрека и мира голливудских грёз с тонким французским душком. Где взрослый мусульманин без потери лица может бить своего врага по морде поганой и получить простое удовольствие от этих примитивных действий? Только в своём воображении, сидя перед экраном кинотеатра.

В тот знаменитый вечер к нам приехал мой дядя Хамада, учитель со стажем. Он был на курсе повышения квалификации во Франции. Что повышать у простого школьного ударника труда? Самолюбие? Возможно. Объём серого вещества? Не думаю. Метр укоротит до ярда? Сомнительное удовольствие.

Мой дядя привёз нам игрушки из Старого Света. Не знаю, на каком базаре Парижа он их купил, но с высоты Монмартра они далеко не походили на шедевры искусства. Но разве дарённому коню смотрят в зубы? Абстрагируясь от приобретённого мной сегодня опыта, игрушки тогда казались бесподобными. В Африке не принято баловать детей, это «вредит» хорошему воспитанию. Для ребёнка же каждый подарок на счету. Могу смело сказать, это была единственная настоящая игрушка, полученная в детстве. Не беру в расчёт многочисленные мячи и красный велосипед, купленные отцом. Не считается и цвета дерева серый магнитофон, подаренный мне старшим братом... Речь идёт именно о детских игрушках.

Я был неравнодушен к воскресенью. Не потому, что выходной, просто это день большой стирки. Помню, как с братом каждый раз ждали с нетерпением окончания этого «волшебного» процесса, чтобы стать обладателями подарочного игрушечного солдатика, который обычно клали в пачку вместе с порошком. Временами мы торопили маму, а подчас доходило и до драки между мной и Брагимом.

Вроде игрушки стоят недорого, но никто в Африке не понимает, насколько они ценны для маленьких. Моим брату и сестре подарили две, как показалось тогда, бесподобные пласти-

ковые птицы: одна ярко-розовая, другая – ослепительно зелёная. Мне, как старшему, Хамада привёз «незабываемый» подарок – бледную, цвета рвоты, книжку. Это был учебник, и значит, мне уже десять лет, да здравствует старость! Настал час усиленно учиться, уйти с родных улиц, бросить любимые забавы. Я играл днями напролёт на свежем воздухе, а теперь пришла пора заниматься серьёзными делами, отдать себя полностью заботам школы. Европейское образование – вещь ёмкая, требует самоотдачи. От этих мыслей душу коробило. Я не знаю детей, которые бы с удовольствием отдали львиную долю своего времени школе. Скоро третий класс, а там совсем недолго до пенсии.

Положение удручает, весть прискорбная для молодого рассудка. Придётся похоронить своё счастливое детство в красивом гробике на ближайшем кладбище и пойти «трудиться» на общественных началах в неблагоприятном государственном учреждении. Пришла пора просыпаться с первым петухом пять дней в неделю, подвергать мозг тяжёлому умственному «труду» по шесть часов в день за партой и три – дома со школьными заданиями. Ради чего? Чтобы прокормить свою ещё не знакомую жену и будущих детей.

Если честно, рано ещё об этом думать. Не желаю размышлять о далёком и, возможно, не моём будущем. Душа хочет жить здесь и прямо сейчас. Мне бы пинать мяч с утра до вечера, наслаждаться моментом сутками напролёт, гулять без забот. Неужели это трудно понять? Я ещё слишком молод и чересчур красив для европейского образования. Ценю свободу и не стремлюсь обменять её на тоскливые занятия в школе. Нет желания целыми днями сидеть за плоской деревянной партой, зарабатывая себе понемножку геморрой ради завтрашней скудной зарплаты и микроскопической пенсии.

Дедушка был учителем, и дядя Хамада унаследовал профессию, естественно, от него. Что можно ожидать от педагога во втором поколении, который считал долгом участвовать в моём воспитании? Ничего хорошего для меня лично. И та невзрачная книжка бледно-жёлтого цвета должна стать первым скромным взносом в моё образование. Но не ведал дядя, насколько своим подарком меня оскорбил.

С этого момента начались все беды юности. Та книга поделила моё детское существование на до и после великого образовательного потопа. Жил я в своё удовольствие, ни о чём не думая и ни в чём себе не отказывая, пока не появилась она. Как говорится, всё познаётся в сравнении. Я каждый день расправлял крылья и ликующе вылетал из гнезда на все четыре стороны, свободный как птица. Но с появлением этого французского учебника кончилась беззаботная жизнь, и мой детский рай превратился во что-то среднее между незаслуженным адом и чужой каторгой. Но это будет позже, через две недели, когда отец опомнится и в нём проснётся строгий учитель французского языка.

От злости я рвал и метал, не хотел понять, почему дядя подарил мне книжонку, а не игрушку. Или, на худой конец, и ту и другую. Никогда так сильно никто не обижал. Скорбь и досада взяли верх надо мной. Я желал только одного – кары небесной своему обидчику. Как говорится в народе, не делай добра – не получишь зла.

Спрятав в глубине сердца негодование, я молча забрал несчастный подарок и пошёл в детскую комнату излить душу ангелу-хранителю, подушке и серому безликому матрасу. В Мавритании хорошее воспитание, добытое в том числе с помощью ремня по мягкому месту, не позволяет мужчине жаловаться, а ребёнку заявлять о своих правах. Никто не знал о моём разочаровании, если выражаться дипломатическим языком, то я был весьма недоволен. Отец, как ни странно, об этом сразу же догадался. Позже он в «резкой форме» передал дяде мою крайнюю озабоченность. Через день Хамада мне принёс восхитительного голубого пластикового дельфина. Я не обзавёлся игрушечным поездом с рельсами и мостами, о котором долго мечтал втайне, но душа взмыла до небес от счастья. В итоге я получил подарок не потому, что

он полезен для жизни, а просто ради меня лично. И наконец-то душа начала страшно мстить брату и сестре.

– Мой дельфинчик лучше всех ваших уродливых птиц, – твердил я вне себя от счастья.

– Зачем тебе дельфин, у тебя же есть книжка? – возмутился Брагим.

– Ты что, завидуешь? Как тебе не стыдно!

– Так нечестно!

– Правильно делаешь, глотай слюни молча и на здоровье! Но ты с этим не тяни долго, зависть – штука опасная. Рано или поздно душа трещину даст и лопнет.

– А ты смотри, от самовлюблённости наглая харя может надуться и взорваться!

– Что переживаешь-то? Когда меня не будет, ты унаследуешь моих дельфина и книжку. Хотя нет, свою игрушку я завещаю младшей сестре. А учебник, пожалуй, я возьму с собой в могилу. Да, и позаботься о черепахе.

– Не нужно мне твоё уродливое животное!

– Эй, давай поаккуратнее! – погрозил я брату пальцем. – У этого животного, как ты говоришь, твёрдый панцирь, но оно у меня очень ранимое.

– Чего?

– Глухой, что ли? Моя черепаха не любит, когда о ней плохо говорят, так что давай потише, услышит она тебя.

– Плевать мне на твоё животное! Я тоже хочу книжку!

– Тебе не положено по возрасту, птенчик! Ты ещё слишком мал для книг.

– Птенчик, птенчик! – раздался писклявый голос младшей сестры.

Обладательницу самой высокой ноты в доме зовут Маха, ей три года, прошу любить и жаловать. Её появление, несомненно, привнесло немного света в семью, а вот рождение Брагима не назовёшь бесспорным. Временами я горько жалел, что не задушил его, когда он был в пелёнках. Стоя передо мной, руки на бёдрах, нижняя губа оттопырена, нерадивый брат всё возмущался:

– А ты намного старше меня, что ли?

– Именно так! – ответил я.

– Птенчик, птенчик!.. – снова дала о себе знать Маха.

– Ну-ка заткнись, ты, мелкая козявка, не лезь не в своё дело! – крикнул Брагим на сестру и обратился ко мне: – Ты старше меня всего на год!

– Не трогай Маху! Я взрослее тебя на целый год с половиной. И заруби себе на носу, я ещё умнее и красивее!

– Насчёт двух последних пунктов я бы на твоём месте не так радовался.

– Смотри мне, не дерзи взрослым! – разозлился я.

– Тогда отдай дельфина! Я знаю, тебе игрушки не положены по возрасту.

– На что намекаешь?

– Ты уже старый и, думаю, глупый, раз не понимаешь, о чём речь! – рассвирепел брат.

– Ну-ка иди сюда, мелкий таракан, я тебе сейчас пересчитаю все антенны!

– А я размажу остатки твоего самолюбия по стенке, тугоухий старичок!

Я злился, а тучи сгущались над головой нахального соперника.

– Иди сюда, куда побежал!

Почувяв запах гари, Брагим спасался бегством на кухню заручиться маминой защитой. Я быстрым шагом шёл следом. Кулаки чесались, и хотелось только одного – проучить гада, что посмел бросить мне вызов.

– Трах-тибидох-тибидох!.. – повторял Брагим, надёжно укрывшись за спиной мамы.

– Ты опять за старое взялся?! – от злости надорвался я.

– Да, бородатый хрыч! Из тебя песок сыпется, ты не заметил, дед? Память подводит, да?

– Тебе надоело жить?

– Так точно, старый хрыч!
– Сейчас я тебе расквашу поганую морду, жук навозный!
– Ну-ка отстань от брата! – громко вмешалась мама в ссору.
– На кой бес он мне сдался! – разочарованно ответил я.
– Птенчик, птенчик!.. – снова зазвучал писклявый голос.
– Да, ты совершенно права, птенчик ещё тот, – подбодрил я сестру.
– Отстаньте от своего брата! – снова предупредила мама.
– Дида, я сам за себя постою, – махая кулаками, возразил Брагим. И, опомнившись, мужественно вышел из укрытия.

– Кто бы подумал! Конечно, ты постоишь за себя, – засомневался я.
– Ещё как постою! – подтвердил Брагим.
– Сколько выдержишь, интересно? Давай-ка посчитаем, если разница в возрасте полтора года, значит, ты устоишь целую минуту с половиной. Не так ли, сумоист костлявый?
– Знаешь, за десять секунд, если вгрызться в твою глотку, то успеешь дух испустить. Так что я бы хорошенько подумал на твоём месте! – грозил несчастный собеседник.
– Боюсь-боюсь!.. Знаешь, что? Ты мне безразличен, – ответил я своему расхрабрившемуся брату.

Отголоски гнева во мне уже прошли, и на смелые и бессмысленные угрозы было всё равно. Вскоре загорелась хитрая улыбка на моём лице. Наказать человека можно не только кулаками, но и другими действиями. Набрав побольше воздуха в грудь, я направился в детскую комнату и гордо вернулся с книжкой в одной руке и дельфинчиком в другой. Широко улыбаясь, я поднял свои трофеи вверх и без слов ходил кругами посередине кухни. Показ прошёл успешно. Зависть вспыхнула всеми оттенками мрака на лице оппонента. Оттопырив нижнюю губу, он молча сверлил меня полным желчи взглядом. Из глубин тишины еле слышался скрежет зубов и скрип напряжённого сердца брата. Но нет, мало страдает враг, решила душа.

– Подержи, Маха, на минутку! – произнёс я, отдавая сестре книгу и дельфина.

Я вышел из кухни и направился к будке черепахи. Как всегда, моя ненаглядная безмятежно дремала.

– Подъём! Сколько можно спать?! – громко проорал я, чтобы брату было слышно. – Иди ко мне, будем играть. Страшная какая, но ты – моя собственная!

Черепаша, конечно, не поняла замысла, но меня, несомненно, заметила. Голову и лапы она держала глубоко в своём панцире-защитнике. Странное существо, однако. Всё время дремлет, а жизнь галопом мимо скачет. Неужели ей нечего терять? Помню, несколько лет назад я её нашёл под деревом в том месте, что осталось от некогда мавританской саванны. Отец разрешил её забрать домой. Она так и не стала мне по-настоящему другом – панцирь жёсткий, сердце холодное, душа чёрствая. Может, бедняжка просто по-человечески не понимает, а, возможно, жизненные циклы у нас разные. Я быстро говорил, а до неё доходило через несколько часов. К сожалению, черепаха не собака и команды «фас» и «апорт» совсем не понимает. По большому счёту от неё многого не ожидали. Она просто было моей. Безымянная, благо нетребовательная, а я получал удовольствие ухаживать за любимой рептилией. Хорошо, когда ты ответственный и незаменимый. От тебя зависят, пусть даже всего одно неотзывчивое существо. И оно мне сейчас необходимо, на моей стороне должен быть кто-то, поддерживающий в любой погоде, особенно когда я не прав. Хочется мне видеть страдания брата, и черепаха будет за кормильца горой стоять, потому что благодарна и во мне души не чаёт. Даже если она об этом не знает.

С трудом я её вытащил из большого деревянного ящика, служившего ей домиком. Согнувшись пополам и напрягая все мышцы тела – главное, не портить воздух, – я с трудом дотащил до кухни животное, которое весит больше, чем хозяин. Положив тяжёлый груз

на землю, я поменялся с ним местами. Свой зад я опустил на жёсткую, защищённую панцирем спину и велел её хозяйке идти вперёд. Однако к моим приказам остались глухи.

– Не ишак она тебе! – возмутился Брагим.

– Ну-ка заткнись, кто тебя спросил?! – накричал я на брата. – Давай вперёд! – велел я «недвижимой собственности».

Но черепаха наотрез не отзывалась на приказы.

– Дида, почему она не идёт, раньше же ходила? – сетовал я.

– Не всегда, – поправил меня Брагим.

– Встань с неё, раздавишь бедняжку! – приказала мама.

– Она же раньше ходила! – возмутился я.

– Может быть, с тех пор ты набрал вес, – ответила мама.

– Да, слегка поправился, щёки раздулись, самолюбие подросло, и зад тучнее стал, – заметил брат.

– Куда лезешь, это моя черепаха! Ты понял?! – крикнул я на противника.

– И что с того? – ответил тот.

– Открой глаза, у меня есть любящая черепаха, красавица-книга и великолепный дельфин. А у тебя что?

– Птичка зелёная... Изящная, – тихо ответил Брагим.

– И это всё? Может, тебе моего дельфинчика подарить?

– Нет, хочу книгу!

– Накось выкуси! – показал я дулю своему противнику.

Брагим живо распахнул пасть, чтобы ответить на вызов, но, заикаясь, так же быстро её закрыл, вспомнив, что мухи в этой стране бесцеремонные. Никто не поручится, что ни одна тварь, рассекающая воздух, не залетит в рот. Победённый соперник замолк, ибо сказать больше было нечего. Черепаха хоть и не захотела идти, но она была моей собственной.

Дабы продлить агонию брата, я встал, забрал у сестры своих дельфина и книгу и сел на личное непослушное животное. Я молча улыбался, а временами показывал победённому язык. Брагим опустил взгляд на зелёную «изящную» игрушку и загрустил, вот-вот заплачет. Об этом недвусмысленно говорили потускневшие глаза и слеза, неспешно покотившаяся по щеке. Мой враг повержен, а победителей не судят. Я вышел из кухни, счастье переливалось через край.

– Куда пошёл? Забери свою черепаху! – крикнула мама вслед.

– Дида, пусть побудет на кухне, позже возьму! – громко ответил я.

– Будь осторожен! – слышался голос брата.

– Что?

– Следи за поворотами. Отныне тебя ждут ухабы на дороге, – грозил он.

– Боюсь-боюсь...

4. «Обобратить торгаша»

Сразив соперника, я радостно пошёл в детскую комнату смаковать свою победу. Когда положил игрушки на подоконник, из глубин организма донёлся нарастающий конфетный голод. В кармане оказались всего лишь монета и жевательная резинка. Этого достаточно, чтобы на время забыть о сахарной тревоге. Нужно пополнить сладостные запасы.

Вспомнился новый помощник продавца, а моё самолюбие предвкушало ещё одну победу, ещё порцию стёба над провинциальным примитивизмом. Я положил жвачку в рот, вышел из дома и направился в злосчастное заведение. Заметив свою цель, я почувствовал, как закипело желание проучить деревенского гада. Уж больно его вызывающий вид умолял о наказании. Во мне пробудился «шахтёр» – желание помазать чёрной краской всё яркое и чужое.

Маленький торгаш был один в помещении. На том же месте за прилавком магазина. На нём была та же клетчатая рубашка. Коней на переправе не меняют, прежняя тактика полностью оправдала себя. Вновь молча я стоял у входа и сердито наблюдал за недругом. Заметив меня, он нахмурился и безмолвно развернулся к стеллажу, представив мне свой неряшливый вид сзади. Сцена явно напоминала ревнивую невестку, которая хочет наказать провинившегося жениха. Меня одолели сомнения: то ли юный торгаш выражает неуважение, показывая зубы таким образом, то ли, как обычно, страх схватил его за глотку. Думать долго не пришлось – лёгкая дрожь, пробежавшая по ничтожному телу, показала, что всё в своём привычном русле, бедуин охвачен ужасом.

Он отвернулся и надеялся укрыться от испепеляющего взгляда. Не хочется бедуинской душе принимать вызов от городской детворы. К сожалению, неизбежное можно только откладывать. Рано или поздно придётся поднимать перчатку. Я пристально изучал молчаливого противника, который притворялся, что наводит порядок на стеллажах. И всё равно даже волоски на его затылке склонились под тяжестью моего взора. Подозреваю, что в этом месте, ниже макушки, есть орган, который видит без глаз, слышит без ушей... Он работает исключительно с тонким миром, ловит мысли, развеянные в пространстве, и передаёт собственные. Неужто здесь укрывается орган шестого чувства? Тот самый, что предупреждает об опасностях и видит ещё не произошедшие события, ибо процесс берёт своё начало в глубине на квантовом уровне и только потом поднимается на осязаемую поверхность.

Ошеломлённый спокойствием и невозмутимостью духа, что стоял сзади, маленький продавец впал в отчаяние, дрожь стала заметнее. Разве он поднимет брошенную перчатку? Скорее выроет себе могилу, чем примет мой негласный вызов. Просто открыть глаза и поднять голову оказалось непосильной ношей. Положение плачевное, состояние удручающее. Противник согласился с поражением и расписался в своей слабости, но разве этого достаточно для спокойствия моей души? Ни в коем случае! Дождевой червь может и не знать, что такое стоять на ногах, но голову поднимать способен. Если ввязаться в бой без правил, то нужно бить так, чтобы соперник никогда не вздумал посмотреть на звёзды. Как же это устроить? Как убить мёртвого?

После долгих раздумий в голову ничего не пришло, если бы, пролетев мимо, шальная мысль не встряхнула воображение. Я громко и показательно выплюнул жвачку на пол, дабы оживить в нашем продавце остатки гордости, а воскресив, закопать их обратно. Деревенщина, резко отвернувшись от стеллажа, раскрыл рот, посмотрел на меня, затем на пол, где сладкое резиновое изделие сверкало всеми оттенками розового на фоне серости бетонного пола. Ни малейшего писка не прозвучало, слышалась лишь мольба души в тишине вечной и равнодушие от богини справедливости. Нет, не пробудится гордость никогда, не положено слизняку небо покорять.

Не дождавшись реакции торговца, я тронулся с места, нагнулся, оторвал жвачку от пола, подошёл к стойке. Посмотрев своему противнику в глаза, прилепил тягучий кондитерский шедевр на столешницу прилавка и несколькими движениями большого пальца надавил на него, дабы тот крепко прилепился. Никогда ранее наш продавец не встречал спесивость такого масштаба, бескультурье высочайшего уровня. Оскорблённый до мозга костей, он резко пришёл в себя, зажмурился от гнева. Злость в душе кипела, тысячи чертей в нём опомнились и запросились наружу. Руки подёргивались, лицо напрягалось, глаза наливались кровью, губы задрожали, рот широко открылся – крик ярости вот-вот появится на свет. Опомился и тысячу лет дремлющий вулкан, лава в жерле бурлила и стремительно поднималась, с минуты на минуту взрыв загремит.

Но нет, извержение отменяется, Везувий всего лишь встряхнулся, Неаполь пока может спать спокойно. Надолго ли? Испортил воздух и объект моих глумлений. Нет мужества, как и нет отваги, язык прикушен, а гордость спрятана глубоко в жерле вулкана. Жутко страшно, и посему не пробудится сознание. Жаль, ибо я ждал взрыва характера и фейерверка эмоций, предвкушал гром ярый и молнию, во тьме сверкающую. Дабы во мне кипела лава и злость сорвалась с цепи. Глупо было с моей стороны поверить, что аквариумная рыба заговорит когда-нибудь. Гад не выронил ни единого слова.

Я отпустил руки, положив в карманы. Дело сложное, может, бесполезное. Возможно, объект моих издевательств уже напуган до предела и нет смысла дальше измываться над ним.

В левом кармане оказался коробок из-под спичек. Вспомнилось, что внутри лежит недокуренная сигарета, оставленная на чёрный день. Думаю, ставку можно повысить. Мысль посетившая выглядела до жути прекрасной. Ещё один городской способ вонзить нож в сердце недруга, который и так лежит на полу в собственных выделениях.

Курить десятилетним, конечно, запрещено, но извольте указать на самое важное правило этого мира: «Не пойман – не вор». Сия мудрость объясняет все причуды божественной судебной системы. Пока человек верит в свою правоту, никакая кара его не постигнет, пусть он даже самое что ни на есть исчадие ада. И, наоборот, дорого заплатите, если, совершив доброе дело, хоть на мгновение подумали, что, возможно, неправы. Вот почему один человек всё время нарушает законы и выходит сухим из воды, а второго, ещё ничего не совершившего, постоянно окунают в ад. К моему великому сожалению, Бог слеп и видит только мысли, никак не поступки. И Он нам дал самим определить, что такое хорошо и что такое плохо.

Я недолюбливал сигареты – запах противный, вкус отвратительный. Не моя это стихия, но в то время курить было популярной забавой среди братьев по улице. Мы просто пускали пыль друг другу в глаза. Чего только не сделаешь ради картинности. Но знаю точно одно: через некоторое время за ненадобностью все бросили эту дурную привычку. Мы всего лишь баловались, как маленькие обезьяны, которые повторяли за старшими приматами.

Между тем мой похрабrevший визави смотрел прямо на меня, а губы его тряслись, удерживая в нутре груз тысячи несказанных слов. Не знал он, что говорить, а противопоставить моему смелому бесстыдству было нечего. Я засунул руку в левый карман, вытащил оттуда коробочку из-под спичек. Приоткрыв, чтобы оголить содержимое, положил на стойку магазина перед недоумевающим оппонентом. Тот кинул взгляд на витринную столешницу, затем на меня, а я, стиснув зубы, нахмутив брови, посмотрел ему в глаза. Опомившись, мой визави быстро опустил взор, плотно сжал губы, поджимая хвост между ног. Он злился и скулил, а я кипел от злости.

Прошло мгновение, и спокойно вздохнула душа. Я забрал коробочку, открыл до конца и вынул оттуда содержимое. Взяв сигарету в рот, одним резким движением зажёл спичку и пре-

поднёс ко рту. Длинной затяжкой вдохнул в себя ненавистный дым и с презрением выбросил горящую спичку за стойку, где с изумлёнными глазами стоял мой дрожащий недруг. Он мгновенно соскочил с места и взялся ногами тушить огонь. Я наслаждался каждой долей мгновения этой сцены, словно смотрел комедийное немое кино, поскольку противник при всей этой клоунаде скакал, не проронив ни звука.

Потушив спичку, объект моих глумлений молча подошёл к кассе и начал считать деньги. Не спеша я показательно покуривал свою сигарету, вкладывая страсть в каждый жест. Помещение тонуло в плотном дымном тумане, а запах табака доносил всем вокруг, кто в городе истинный хозяин. Брошенный взгляд через дверь на улицу дал понять – снаружи всё спокойно, мир на стороне детей Шелудивого. Развернувшись, взор скользнул через серость табачного дыма и врезался в тень угрюмого продавца, который за кассой спрятался от городской суровости. Он неискренне изображал занятого, деловитого человека, а я спокойно докуривал свою сигарету, наблюдая за обстановкой вокруг. Сквозь пелену табачного дыма всё в магазине казалось серым. С глубоким чувством удовлетворения я потушил окурок о столешницу прилавка и вышел из магазина, ничего не купив. А голова, как обычно, была гордо поднята. Главное, никто из взрослых не застал за этим непристойным занятием.

Я мог вновь изучить вдоль и поперёк противника, узнал все его слабые места и возможные ответы на подстрекательство. Болевой порог известен. Выводы сделаны. Извлекать выгоду из обстановки честь обязывает. Так делают умные люди, которым некуда девать избыточный дар. В городе, где всё продаётся и покупается, я знал цену всему и каждому в отдельности. Здесь судят о мужчине исключительно по толщине кошелька. Любовь? С ума сошли? О таком здесь не слышали, деньги всему голова.

Меня посетила муза коварная: слепить из новичка покорную шестёрку. Он будет носить мне завтрак в постель и давать займы. Какой неуч сказал, что долг платежом красен? Сильные страдают забывчивостью. Не так ли? Я себя ощущал победителем, но смущало одно: мой соперник был физически выше, больше и шире, не дай бог очнётся из глубокой комы, куда его вогнали.

Под влиянием никотина чувствовалась усталость, я направился домой немного отдохнуть от уличной суеты. Отдаться в объятия толстого синтепонового матраса – то, что психолог приписал. Предвкушался заслуженный отдых. Вдали послышался морской шум, а лёгкий запах бриза убаюкивал сознание. Во рту чувствовался пресный привкус безмятежности и горечь табачного послевкусия. Глаза закрывались, а шуршание океана настойчиво приглашало в сон. Я неспешно шёл, засыпая на ходу. Ноги не ощущались, а веки становились всё тяжелее, скорее бы добраться до кровати.

Но нет. Преступив порог дома, я резко пришёл в себя от громогласных криков недовольной мамы. Что произошло? Чтобы её вывести из себя, нужно изрядно постараться. Папа, что ли, совершил непоправимое? Маловероятно. На моей памяти такое было всего три раза, причина во всех случаях одна и та же: отец поддался соблазну чужого «яблока». Ах, эти фрукты! Они заманивают, чаруют, а змея уверяет, что последствий не будет: «Ты просто попробуй, мир прекрасен, привыкание не грозит ни в коем случае». А за грехом неминуемо следует расплата, её просто не было видно в темноте желаний. В итоге Бог на тебя зол, жена в курсе дел, и мир перевернулся.

Помню, каждый раз мама нас забирала с собой на север, туда, где родная земля всегда встанет за тебя горой. В тех краях всё отличается от действительности шелудивого города,

люди по-настоящему добрые. Никто не притворяется, лукавого отроду не встретишь, а гор так много, что порой кажется, рай именно таким и должен быть.

Отец всегда нас догонял посередине пути в Акжужте. В этом маленьком городке у мамы есть знакомые, у которых мы останавливались на два-три дня, словно давали папе возможность одуматься. Тогда я не разбирался в истинных причинах того тягостного переполоха. Мама, естественно, ничего не объясняла. Самое плохое, что может случиться с ребёнком, это ссора между родителями. На меня нахлынули болезненные воспоминания, бессилие одолело. Ей-богу, есть вопросы к Богу. Не отмыться великому Художнику от следов краски.

Во дворе дома торжествовал необычный шум, гром грохотал, и молнии сверкали. Мать стоя надрылась, а за её правую ногу, оттопырив нижнюю губу и прищурился глаза, держалась всеми конечностями, словно маленькая обезьянка, сестра Маха. Мама оживлённо размахивала руками и с помощью указательного пальца посылая проклятие на неизвестного врага то ли в гостиной, то ли в детской: «Ещё раз тронешь мою дочь, я тебя сотру в порошок!..» Мать злая, аж страшно спросить, в чём дело. И всё-таки дерзнул:

- Дида, что случилось?
- Знаешь, и ты тоже заткнись!
- А я при чём?
- При том!

Ответ явно противоречил логике, но и в то же время содержал скрытый смысл. Что этим хотят сказать? Ощущение, что в этом доме назревает «бабий бунт».

Как и предполагалось, нет смысла сейчас говорить с мамой. Развернувшись, я направился в детскую комнату, где меня ожидал тихо плачущий брат. Он лежал на матрасе, скомкавшись в клубок.

- Что с тобой? – спросил я.
- Дида!
- Что с мамой?
- На меня ругается!
- Маленький, что ли? Ты же мужчина. Не плачь!
- Отстань от меня!
- Ну-ка давай рассказывай!
- Да я случайно сел на её куклу.
- Чью, мамину?
- С баобаба рухнул, что ли? Говорю же, на Махину.
- Это ты зря. Она же шила её целый месяц, и бог весть из чего. И что?
- Говорю, невольно сел на куклу. И тут Маха с ума сошла. С воплями набросилась на меня: «Живодёр, убьёшь мою куклу!..»

– А ты живодёр?

– Нет, конечно, я же сказал, случайно сел...

– С другой стороны, я тебя понимаю, эта кукла очень похожа на чудовище из фильмов ужаса. Раздражает, аж мурашки по телу бегут.

- Глухой! Сказано же, нечаянно.
- Кто его знает. Может, ты и не имел умысла убить игрушку, однако об этом думал.

Следовательно, твой зад принял решение на уровне подсознания прикончить безумную куклу. Настоящий детектив назвал бы этот случай убийством врага по неосторожности с помощью ягодиц.

- Думаешь, это смешно? Всё, я с тобой не разговариваю!
- Знаешь, в твоё оправдание можно сказать, что кукла умерла быстро и без мучений.

Ведь это так?

- Повторяю, я с тобой не разговариваю.
- Ладно тебе. И что дальше?
- Она набросилась на мою спину и впилась зубами в шею, теперь у меня будет шрам.

Иди посмотри, – показал он на следы от укуса.

- Ну да, видно немного.
- Это теперь на всю жизнь! Она меня изуродовала, никогда ей не прощу.
- Успокойся ты, до свадьбы заживёт. И что, мама на тебя накинулась?
- Я отмахнулся от сестры, и она упала, ударившись о стену.
- И как у тебя получилось? Тебе не стыдно?
- Да нечаянно, хотел освободиться от её зубов. Она, как вампир, вцепилась в меня клыками. Думаю, сестра страстно желала высосать мою кровь. Я испугался, отбрыкнулся от неё.
- Ты же не лошадь – брыкаться!
- Сказал же, растерялся. И, вообще-то, было больно.
- Ну, тогда ладно. Это большое недоразумение. Успокойся, скоро всё рассосётся.

И не забудь, шрамы украшают мужчин.

- Легко сказать.

– Не волнуйся, сейчас пойду на кухню разбираться. Буду защищать тебя и честь всего мужского населения земли. Где это видано, чтобы глупые женщины так издевались над нами?

Брагим по-настоящему переживал, а я пытался его подбодрить. Очень сложно себя вести в ссоре, где все противоборствующие стороны правы. Особенно когда речь идёт о семье. Успокоив брата, я пошёл на кухню разбираться. Мама, как ни странно, спокойно занималась готовкой обеда, а Маха баюкала свою игрушку.

- Уже пора спать? – спросил я у сестры.
- Ты тоже не любишь мою куклу?! – вдруг заорала она.
- Спокойно, чего кричишь? – тихо возмутился я.
- Давай отвечай!

Действительно, в этом доме объявили войну мужскому полу. Вопрос, равнодушен ли я к безумной кукле, предо мной встал во весь рост. Не ответить вряд ли получится. Вообще, слово «любить» в Мавритании настолько интимное, что граничит с табу. Я даже маме сказать «люблю тебя» не смогу, а здесь какая-то бесовская кукла требует от меня расположения души. В шелудивом городе есть запретный секс, немного денег и с гулькин нос наркотиков, но полностью отсутствует любовь. Нет места ни личному, ни эгоизму в этой стране. Есть только общество и коллективные потребности. В столице пустыни можно смело кричать: «Я сказочно богат!», но нельзя объявить: «Я безумно люблю». Ведь любовь – это сумасшествие, а деньги – благополучие. Однако шелудивый город каждый день, шаг за шагом, вносил неотвратимые изменения в вековые устои мавританского сообщества.

Перед взором красовалась страшная кукла, которая требовала поцелуя, словно от этого зависит, откроет она глаза или нет. В горле ком, тошнит от одного вида этой игрушки. Задача сложная. Сестру я, конечно, люблю и беречь обязан, но и брат мне дорог, ведь и он – кровинка моя. Положение подлое и требует сделать выбор. Буду ли я стоять горой за сестру? Непременно. А позволю ли себе унижаться перед слабым полом? Разрешите уклониться от ответа.

Я столкнулся с коварным вопросом, к которому не был готов. Моя маленькая гордая сестра требует ответа, а безумная кукла просит тёплых чувств. Я обезоружен, в руках лишь юмор.

- Конечно, я вообще в ней души не чаю.
- На, поцелуй её!
- Чего! С ума сошла?

Но ответить мало оказалось, Маха потребовала подтверждения моих слов. Чего только не сделаешь ради младшей сестры? Я подошёл и с закрытыми глазами поцеловал грязную смесь из ткани и ваты. Всё для спокойствия родных.

– Моя кукла жива, и у неё есть душа! – грозя пальцем, поучительно твердила Маха.

– Ты уверена? – спросил я.

– Дида! Это же правда? – обратилась сестра за поддержкой к маме.

– Конечно, доченька, конечно.

Кто бы сомневался! Нет больше времени на женский бред. Из кухни стремительно направился снова в детскую комнату, следить за состоянием Брагима, но он уже спал словно младенец.

– Сладких снов, – тихо произнёс я, укрывая брата простынёй.

Прошла трёхчасовая вечность после обеда, время сиесты подходило к концу. Я всё думал о новом помощнике Абдаллахи. Пришло время нанести ему «визит вежливости» и поднять наши отношения на новый уровень. Зрительные и психологические контакты были установлены, пришла пора проверять непрошеного гостя на языковую вшивость и, в конце концов, купить конфеты. Слова-то он умеет произносить, хочется услышать его хриплый голос и бедуйинский говор.

В магазине всё было безупречно. Старшего продавца не оказалось, а вместо него единолично хозяйничала та же застенчивая личность. Увидев меня, наш робкий товарищ вздрогнул, к нему вернулся недавно забытый страх. Я не стал усугублять и так шаткое состояние деревни. Из кармана вытащил круглую медную монету в размере пяти угий¹ и громко поставил на столешницу прилавка со словами:

– Дай три конфеты «Ната»!

Маленький торговец, не ожидав такого поворота событий, чуть вздрогнул и насторожился. Наученный горьким опытом, он привык, что терзаю его взором и ничего не покупаю. Репутация у меня сомнительная, и не стремлюсь её поправить. Слегка запутанный, маленький продавец сделал несколько попыток взять монетку, а та никак не шла ему в руки. Возможно, пальцы толстые, быть может, злодейка дрожь в теле изводит. Схватив монету в конце концов, он два раза её выронил на пол. К тому, что следовало за этим, я не был готов: «величайший» из дельцов схватил три жвачки «Малабар», которые стоят по две угии, и поставил передо мной на столешницу прилавка.

«Ага! – подумал я. – Читать не умеет, читать тем более, на глаз товар не различает». Я, конечно, круглый невежда в торговле, но финансовая неграмотность жителей деревни меня смутила, а мой город оскорбила.

– Нет, это не те! – громко возмутился я. – Дай вон те коричневые карамельки.

Скрипя зубами, собеседник без слов развернулся обратно к стеллажу, поставил на место жвачки и забрал нужные конфеты, на которые я всё ещё пальцем показывал. С хмурым видом он поставил их на прилавок передо мной. Я на него сердито посмотрел, словно был совершён тяжкий проступок.

– Кто тебе разрешил на меня поднять взгляд, деревенщина?! – крикнул я внезапно и во всю глотку.

Мой соперник неожиданно вздрогнул, сделал невольный шаг назад, открыл рот, но ни слова не выронил. Его губы тряслись, а сознание не находило себе место, словно животный

¹ Угия – денежная единица государства Мавритания.

страх охватил душу. Увидев, что жалкий деревенщина медлит с ответом, я решил ещё одним криком его поторопить:

– Теперь быстро сдачу отдай!

Мой оппонент, ощущая дрожь в теле, открыл денежный ящик и взялся рукой за подбородок. Неужели его род уже перешёл из неандертальца в человека разумного? Ни за что не поверю. Будет смешно, если он сейчас почешет свою макушку... Я не успел закончить мысль, как левая рука нашего героя судорожно поднялась к затылку. «Думает, гад, всё-таки думает». Но ни одна мысль не могла скрыть еле заметные гримасы, которые сменяли друг друга на его напряжённом лице. Видно, процесс давался с тяжёлым трудом. Не привыкла пародия на человека разумного напрягать свой крошечный мозг. Операция тривиальная, даже моя глухонемая черепаха вам подскажет, что пять минус три равно два. Захолустный житель же долго думал и пришёл к единственному «правильному» выводу: пять минус три равно двадцать три. Не берусь сказать, каковы основы арифметики в пустыне Сахаре, но, видимо, они отличаются от таковых в городе. В деревне люди добрые и математика у них душевная. Да будет так.

Мой визави с серьёзным лицом забрал из кассы две серебряные десятки и три медные единицы и положил их на стойку. Но даже это простое действие сопровождалось крайне занимательным обрядом, природу которого знали только величайшие из кассиров и их фискальный бог. Я, конечно, видел, как бывалые торговцы слюной слегка смачивали концы пальцев, когда считали большие стопки банкнот. Но чтобы такое! Слюнить пальцы, дабы схватить монету! Действительно, век живи – век учись.

Юный помощник продавца освоил ремесло и делал свою работу усердно, как его учили. После того как всё посчитал в уме, он поспешил большой палец с громким звуком «тьфу!», после чего потёр его об указательный и взялся за одну монету. Положив её на стойку, он повторил ту же церемонию со следующей. Так пять раз, один за другим, маленький продавец гордо воспроизводил этот нелепый обряд. И всё сопровождалось широкой гиеновой улыбкой, словно житель деревни только что доказал гипотезу Пуанкаре. Тянуло от души его поздравить, а в голове раздавались несмолкаемые восторженные аплодисменты.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Заки, – всё ещё улыбаясь, ответил он.

– А старший продавец Абдаллахи кем тебе приходится?

– Он мой дядя.

– Понятно.

Зрелище удручает, но арифметика душу радует. В ступоре я побыл недолго, я забрал сдачу и мгновенно исчез из магазина богаче на восемнадцать угий и три вкусные конфетки. Деньги не пахнут, даже обслонявленные. Соответствующие выводы сделаны: «Ура! Сим-сим, откройся!» Я себя почувствовал Али-Бабой, а моя пещерка – славный магазинчик.

Душа и ликовала и недоумевала: «И как неучу хватило смелости нарисоваться в наших краях?» Уму непостижимо! И он в этот акулий мир посмел приехать, не изучив досконально основы высшей математики. Мавритания – страна торгашей. Здесь каждый рождается с таблицей умножения, высеченной на спине и выученной назубок. На этой деловитой земле самая популярная музыка – шуршание свежих купюр, лучшие духи – запах денежного печатного станка. В Сахаре не знают, что такое завод, и давно забыли сельское хозяйство. Мавритания – страна-базар, где одни люди продают, остальные покупают, и никто ничего не производит. В Шелудивом одна часть населения берёт взятки, другая их предлагает, и все вдумчиво торгуются, дабы не облапошили. В Вашингтоне есть лоббизм, в Нуакшоте – «биржа коррупции».

«Как олуху угораздило испортить вид моей улицы деревенским присутствием?» – всё диву давался я. Мало того, он приехал работать в магазине и даже не умел обращаться с финан-

сами. Деньги – основа всего. Человек существует, лишь пока на его счёте есть цифра выше нуля. Всё выглядит, словно деньги создали и вдохнули в человека жизнь, поддерживают огонь в его сердце. Лучшие храмы – финансовые. Самая распространённая молитва – о деньгах. За гроши бьются герои, умирают неудачники. Ради них процветают и падают империи. А Бог – всего лишь средство для достижения более ценных богов. Не правда ли?

Действительно, не в деньгах счастье, но и без них его не будет. Зло – фундамент, а добро – приложение к нему. Человек – сначала животное и только потом разумный. Без денег нет права на жизнь. Каждый думает о себе и только потом о других. Возможно, не прав. Возможно.

Выйдя из магазина и подумав недолго, я пришёл к выводу, что в одиночку не осилить задачу – слишком амбициозной была затея раздеть лавочника догола и подарить ему фиговый лист. Моя городская вера требует делиться благами со своими братьями по улице. Пришло время собирать банду. Одна голова хорошо, а несколько ещё лучше. Тогда я созвал всех маленьких «жителей» улицы. Весь десант из пятнадцати «воротил акульего мира» приземлился рядом с «пещерой Али-Бабы».

За короткое время все подробно познакомились с обстановкой. Как примерные дети шелудивого города, мы ничем не брезговали, главное, чтобы толк был.

– Вы уже всё знаете, – подытожил я. – Здесь необходим тончайший расчёт. Нужно извлекать как можно больше выгоды и не ушибить глаз курочке, несущей золотые яйца.

– Сначала будем по одному ходить в магазин, а потом все вместе, чтобы до чёртиков напугать провинциала. Не дай бог, опомнится, – предложил Муд.

– Может, использовать двадцатки? Они физически больше, чем пятёрки. Он тогда сдачу больше вернёт – предположил Алиен.

– Нет, лучше не рисковать, – ответил я, – используем пятёрки, так надёжнее, это уже классика. Нужно его убедить, что это самая крупная монета в денежном эквиваленте.

– Правильно, – признал Алиен, – и тогда он в это твёрдо будет верить, как в существование самого Бога.

– Не трогайте Всевышнего, Он здесь ни при чём, – шёпотом выразил Салек своё несогласие, оглядываясь вокруг.

– Будь добр! Не мешай нам обобрать дикаря, – предостерёг Алиен «праведника».

– Так, на чём мы остановились? – спросил я.

– На пятёрках, – ответил Ромэн. – В таком случае нужно определить, сколько будет стоить одна такая монета.

– Пусть двадцать шесть, – посоветовал я, – судя по всему, он именно так думает.

– Давай будет двадцать пять, так удобнее считать, – предложил Алиен.

– Да ради бога, – согласился я.

– Ребята, а если нас поймают? – раздался голос Салека. – Абдаллахи рано или поздно поймёт, в чём дело.

– Умолкни, идиот! – сердито крикнул Алиен. – Не нравится, иди домой к мамочке!

– И рот держи на замке! Иначе мы тебе повывёргиваем все зубы, – пригрозил Ромэн.

– Ладно-ладно, я с вами, – трусливо ответил Салек. И тихо, похихикивая, добавил: – Будем доить курочку, хи-хи-хи...

– Почему курочку? – удивился я.

– Потому что это наша курица, несущая золотые яйца, – ответил тот.

– Но если доить, то корову или козу, не находишь? – поправил я его.

– В таком случае предпочитаю доить козла, – снова запутал меня мой собеседник.

– Козёл же не даёт молока! – громко оспорил я.

– Сложно назвать этого неуча по-другому... – тихо закончил фразу мой оппонент, словно боялся, что небеса услышат.

Не любит Салек людей обижать, но подчас из его уст вылетает тёмная мысль. Как обитателю шелудивого города, эти психические перепады мне понятны, в собеседнике живёт чёрт рогатый, как и в каждом из присутствующих. Салек был подлинным сыном этих суровых земель, и последняя минорная нота в его словах именно об этом, чёрт в душе на мгновение взял верх. Но в сердце истинного героя светится ангел добрый. Наш праведник по росту и возрасту не отличался от остальных, но обладал более плотным телосложением. И, как в народе говорится, хорошего человека должно быть много. В отличие от нас, которые загнали своих ангелов глубоко внутрь, откуда не виден просвет, Салек сохранил добро рядом с сердцем. Даже не знаю, кем бы мы стали, если бы среди нас не оказался один ангел на всех.

– Ну, тогда ладно, – сдался я. – Вообще-то, его зовут Заки.

– А я назову его как хочу, – не согласился Алиен. – Могу величать добряком, но пусть будет неотёсанным козликком.

– Тогда спешу тебя огорчить, козлы молоко не дают, – возразил Муд.

– Не знаю, где деревенщина его возьмёт, но ему придётся нам молочко добывать, – невозмутимо ответил Алиен.

– Хватит, ребята! – на грани терпения громко вмешался я в ненужный спор. – Нам всё равно, кого доить – хоть корову, хоть носорога, хоть саму мать Терезу! Пусть это будет наша Золотая Рыбка, которая даёт золотое молоко.

– Итак, решение принято! – громко объявил Алиен. – Действуем!

– С нами сами Небеса, – подытожил я.

– Аминь! – крикнули все хором.

– А мать Тереза – это кто? – спросил Салек.

– Тебе послышалось, идиот! – ответил Алиен. – Он сказал, будем доить кабана! При чём тут мать Тереза?

– Ну и ладно, кабан так кабан. Ничего не имею против, – вполголоса ответил Салек, поджимая плечи. – Знаете, – произнёс он после недолгого затишья, – хочу на нового продавца поглазеть.

Салек встал, пошёл в магазин и через некоторое время вернулся с изумлённым лицом.

– Козликком, говоришь? Да он козлище огромный! – обратился он к Алиену.

– И что с того? – ответил Ромэн.

– Ребята, не знаю, как вам, – произнёс Салек, – но мне неловко такого исполина обманывать, аж страшно. Вдруг затопчет копытами или забодает рогами. Вы хорошо подумали?

– Салек, заткнись! – зло крикнул я. – Его габариты нам нипочём, побью его одним своим чёрным духом.

– Спешу тебя огорчить. У него, пожалуй, дух почерней будет, – рассмеялся Муд.

– Извини, но я не уверен, что его одолеешь, – засомневался Салек, обращаясь ко мне.

– Разве твой деревенщина знает карате? – спросил я.

– Скорее нет, – ответил мой оппонент.

– Он может порхать как бабочка и жалить как пчела? – не унимался я.

– Пожалуй, ему будет сложновато, – заявил Алиен.

– Этого вообще никто не может, – со скорбью признал Муд.

– Тогда не бойся, Салек. Когда придёт заветный час, я выйду с твоим козлищем на арену, – похвастался я.

– И тогда он узнает, что такое порхать как бабочка и жалить как пчела, – подмигивая произнёс Ромэн, обращаясь к Салеку.

– У меня вопросов больше нет, – успокоился наш праведник.

Придя к согласию, мы сели обсуждать детали предстоящего сражения между городом и деревней. Но была преграда, и звали её дядя Абдаллахи. Придётся наблюдать за пещерой Али-Бабы и ждать, пока старшему продавцу не приспичит по малой нужде. Положение удру-

чало, мы не умели сидеть на одном месте, бес в крови требовал свою долю, покой нам снился только в кошмарах.

Скоро будет вечер, время резвиться с полной отдачей сил. С появления на свете Адама смысл жизни так и не изменился, каждый строит свой рай, одни в настоящем, другие в будущем, а кто-то в Царстве Небесном. Дети знают только здесь и сейчас, для них игра – наиглавнейший смысл жизни. И любой осмелившийся встать между ними и счастьем становится врагом злейшим, пусть даже он роднее всех родных. Мы не можем сидеть, тратя своё драгоценное время на слежку, даже ради золотых монет. Пора разогнать скуку, пришел час активных игр, коих у нас бесчисленное множество. Но не беда, решили мы. Будем дежурить по очереди. Пока один следит, остальные играют.

Однако тот вечер закончился ничем. Дядя Абдаллахи никуда и не думал отойти, ни по делам, ни даже по нужде малой.

Вдали, среди полумрака ночного города, зазвучал голос муэдзина, зазывающий праведных на встречу с Богом, а мы собрались напротив магазина и обсуждали свои тривиальные земные дела.

– Ребята, может, в мечеть сходим, помолимся? – предложил Салек.

– Прошу при нас не выражаться! – резко последовал ответ Алиена.

– Ну, ладно, – слышался разочарованный голос Салека.

Небо слишком высоко и туманно, земля под ногами ощущалась всеми фибрами души и тела, уж больно разные величины. Мы волновались о насущном, тревожились об успехе своего замысла, а постоянное присутствие старшего продавца в магазине путало нам все карты.

– Он, наверное, что-то учуял своим натасканным носом, – сетовал Алиен.

– Верно, у него острый нюх на деньги, как у голодной гиены на падаль, – поддержал его Муд.

– Думаете, он заметил, что в кассе не хватает несколько монет? – засомневался я.

– У него орлиный взор и острый нюх на мошенничество, – нерадушно заметил Ромэн. –

А теперь точно будет считать деньги в кассе, затем весь товар в магазине, пока не обнаружит недостачу.

– Это беда! – вздохнул я.

– А ведь мы ещё ничего предосудительного не сделали, – заметил Алиен.

– Но собираемся же, – обвинил нас Салек.

Эти справедливые замечания остались без ответа, ибо не было желания плюнуть против ветра. Молиться мы особо не любили, хотя и Бога все уважали. Но и Небеса, как обычно, бежали впереди паровоза, лишь бы наказать. Все старания в слежке за магазином пошли гиене под хвост. Добрые ангелы не дали детям шелудивого города обобрать купца. Они до рассвета бодрствовали – вдруг мы вернёмся среди ночных мраков и ограбим их подзащитного.

Зато на следующий день у нас был непристойно огромный улов. Ангелы-хранители лавочника, не сомкнув глаз всю ночь, спали мертвецким сном весь день напролёт. Под защитой небесного светила мы с блеском пировали, словно банк ограбили. Цветы жизни Шелудивого не просто запаслись разными конфетами, жевательными резинками, печениями... Но и вышли из этой тщательно запланированной операции по детским меркам богатыми. Не помню, сколько мы тогда заработали, но можно было жить безбедно две недели, не беспокоясь о конфетном голоде, и даже без особого финансового смущения посещать кинотеатр.

5. «Курица» научилась летать

Ночью, когда мы легли спать, я взял своего дельфинчика и поднёс к лицу. Лаская взором нежные изгибы маленького голубого тела, я уловил едва различимую улыбку на его клюве. До меня доходил смысл недавних слов сестры насчёт куклы. Во мне засияло счастье, моя игрушка жива, и у неё есть душа. Я тепло поцеловал своего дельфинчика, ощущая в ответ радушную прохладу бархатистого пластика. Глаза машинально закрылись, и воображение разыгралось: из далёкого океана доносились крики беспокойных чаек, почувался приятный запах влажного ночного бриза, раздался глухой шум небольших волн, разбивающихся о пески нуакшотского пляжа, вдали стая дельфинов резвилась среди безмятежных тёмно-синих вод.

Положив игрушку на грудь, я наслаждался мечтаниями о ночной природе. Спустя время меня отвлек от мира грёз громкий бесцеремонный стрекот. Я дёрнулся – контраст между тишью внутреннего мира и какофонией внешней яви был весьма ощутим. Какой-то неугомонный сверчок во дворе без конца играл свою монотонную любовную песню. Я положил дельфинчика рядом с подушкой, но тут же его место заняла жёлтая книга.

Отношение к учебнику было неоднозначным, он больно напоминал мою равнодушную черепаху, с которой особо не поиграешь. Она есть, и на том спасибо. Тем не менее и черепаха, и учебник – мои собственные игрушки.

Книга в руке ощущалась твёрдо, как деревянная доска. Я медленно и долго поводил по обложке пальцами, всматриваясь в красные и чёрные незнакомые латинские буквы. Мой дельфин был ярким и феерично сверкал, будто он – само небесное светило. Учебник же был бледный, как потухший костёр. И всё-таки в этой матовости было нечто достойное, загадочный шарм. Ощущение чего-то ценного медленно доходило до сознания, в потухшем костре тлел дивный огонёк.

Только внимательно вглядываясь в барханы Нуакшота, можно заметить в монотонности пейзажа нотки изящества, скрытые от неискущённого наблюдателя. Глубоко в подсознании я знал – моя книга содержит тайны, недоступные мне пока. От этого она лучше смотрится. Внешняя красота быстро утомляет, внутренняя долго радует. Наслаждаясь каждым миготом, я трепетно гладил книгу, как будто она действительно была живой. Скоро она заговорит со мной на понятном языке и поведаст все свои истории. Я её развернул и неспешно перебирал страницы, наслаждаясь ощущениями глади матовой бумаги. Под тихим шелестом листьев душа пыталась вникать в чёрно-белый мир письменных иностранных слов. Необычные одиночные буквы не имели ничего общего с арабскими, но они выглядели красиво, академично, лаконично. Придёт время, и мой серый учебник откроет все свои двери.

Боковым зрением я взглянул на брата. Он играл с ядовито-зелёной птицей, от неё исходил отталкивающий запах пластмассы, а от него – скверный дух лукавства. Брагим притворялся, что играет, на самом же деле внимательно следил за мной. Заметив интерес к нему, он показательно отвернулся и начал напряжённо тереть свою игрушку. Брат улыбался и нежно целовал птичку, бормотав вереницу слов на языке, известном только ему одному и его пластмассовым чертям. Пренебрегая жалким спектаклем, я продолжил гладить любимую книжку. Пальцы инстинктивно перелистывали страницы и на ощупь выслеживали выпуклости чернил на белой бумажной ровности, в то время как сознание искало смыслы, утаённые в этом буквенном лабиринте. Всё бы ничего, если бы Вселенная ровно дышала ко мне.

Резкий крик выдернул меня из собственных мыслей:

– Она псина тебе, что ли?!

Я вздрогнул от неожиданности, взирая на брата:

– Ты что разорался?

– Что ты её гладишь, как собаку?

- Кого?
- Книгу!
- А тебе-то что?
- Ничего, – тихо ответил он, отвернувшись от меня.
- Странно! – изумился я.
- Не хватало нам только ругаться на ночь глядя! – громко вмешалась мама.

Но пожар страстей, внезапно возникший, уже потух. Кажется, брат затаил обиду на Вселенную, но это – печали мироздания. Подумав недолго, я засунул руку в карман, вытащил две конфетки и бросил брату.

- Держи, это тебе!
- Откуда у тебя столько вкусняшек?
- «Спасибо» будет достаточно.

Мама начала рассказывать о герое очередной небылицы, а я трепетно понюхал свою книгу и ревностно положил её под мягкую подушку. Грех жаловаться на жизнь Шелудивого, в моих венах счастье текло без остановки.

После назидательной сказки, которая должна была приучить к добру, я снова вспомнил о жителе деревни. Слюни текли в предвкушении бесплатных конфет. Хотя дело было не столько в сладостях, сколько в самом добывании этого трофея. Ты словно выходишь на опасную охоту, где меряешься силами с дикой природой, отвоевав у саванны свою заслуженную долю.

В древности было принято делить добычу с духами охоты. После стольких гнусностей я должен совершить немного хороших поступков, дабы задобрить городских домовых. Я долго думал, пока в голову не пришла мысль, предельно человеческая: пожалеть ничтожного захолустного жителя и поделиться с ним достоинством. Отныне новому продавцу присвоен гордый статус – человек разумный. Однако право быть жителем, пусть даже самого гнусного города мира, нужно заслужить. Какой вы горожанин, если вас током ни разу не било? Полагаю, ни одна бочка мёда не обходится без ложки дёгтя. Нет лучшего способа инициации в жители города, чем впитать в себя ударную дозу электрического тока.

Буду наставником деревенщины, преподам уроки выживания в больших населённых пунктах, а если ему повезёт, то научу азам бокса и кунг-фу. Однако спешка ни к чему в этом «добром» напутствии, сначала – физическое знакомство с оголёнными высоковольтными кабелями. Ведь делиться знаниями, пусть даже горькими, – это добродееание.

Итак, эскиз плана наброшен, а завтра, словно новый корабль, затея будет на воду спущена, конечно, после согласования с богами шелудивого города. Полагаю, от жертвоприношения они не откажутся.

Утром я проснулся бодрым и полным сил. Пробуждение прошло бы удачнее, если бы не мамин ор, наводивший суету в утренней яви.

- Дида, что ты кричишь, рано ещё?
- Проснись, сынок, и иди в душ искупаться!
- Зачем? Разве мало помыть руки и лицо, а рот завтраком прополоскать?
- Нет, недостаточно. Вставай, сынок! Ты тоже весь мокрый. Иди освежись!
- Опять во сне ходил по-маленькому? – обратился я к нашкодившему брату, который от стыда свернулся в клубок под одеялом, словно ёж без иголок. – Что молчишь, идиот? Из-за тебя воняю, как больная гиена!
- Ты что, нанюхался больной гиеной? – спросил Брагим из-под одеяла.
- Не умничай, – разозлился я, – а то по шее получишь! Дида, можно не пойду в душ, вода же холодная по утрам? – обратился я к маме.

- Нет, иди искупайся и переоденься! – крикнула она.
- Вонь украшает мужчин, – произнёс Брагим сквозь одеяло. – Что за богатырь без запаха?
- Не водится богатырей в Африке! – громко уразумел я спесивого брата.
- Чего?
- Дида, можно этого наглеца попинать немного?
- Отстань от брата!
- За что мне такое наказание? Ещё глаза не открыл!.. – обратился я к Небесам.

Но Вездесущий не слышит тех, за кого Он в ответе. Удобнее свысока наблюдать, ведь если ты глух и нем, значит, и отвечать не нужно.

Я встал и покинул зловонную детскую комнату, она же и спальня. Ночевали бы мы каждый отдельно на своей кровати, не пришлось бы мне иногда принимать ледяной душ по утрам. Но нет, молодая мавританская нация всё ещё боится разобщённости. Урок древний, вынесенный из времён пещерного человека, гласил: по одному не выжить в холодной ночи и не устоять перед нападением саблезубого тигра. Возможно, я утрирую, а, быть может, матери так легче ощущать родственные души – нашу общность неразделимую. Постелить на ковре одеяло, лечь маме на один конец, мне на другой, а между нами Маха и Брагим – это мудрый совет Вселенной. Ничего бы не имел против провидения, если бы иногда младший брат не обгаживал меня. Но всё терпимо. Я безмерно счастлив, спасибо Шелудивому.

Но всему хорошему рано или поздно приходит конец. Внезапно тучи сгустились над городом, и небеса обещали оглушительный гром и раскалённые молнии. «Прогноз погоды» не сулил ничего хорошего. Неожиданно для меня «деревенская курица» встала на лапы, задыхалась свободней, взмахнула крыльями и била себя в грудь, словно она – самец горной гориллы. Наш провинциальный недруг научился распознавать деньги. Мало того, усвоил мудрости арифметики, начал кудахтать на повышенном тоне, доказывать, защищаться, брыкаться, огрызаться... Упаси бог, «куриные клыки» пойдут в ход. Оказывается, дважды два будет четыре, а не сколько вздумается.

Немыслимо! Как такой простодушный мог так быстро освоить древнейшее ремесло? А ведь я собирался «бескорыстно» участвовать в его городском воспитании. Надежда на безбедное детство рухнула в одночасье. Неприятно вынашивать планы, которым не суждено сбыться. Вдвойне обидно похоронить мечту о сладостном благополучии. Прощай, кино! Да здравствуй, конфетный голод! Досадно перегружать юное серое вещество, тратить уйму времени – и всё гиене под смердящий хвост. Несправедливо! Не так ли? Думаю, воры-разбойники меня поймут. Лелеять в уме ограбления – тяжелейший труд, порой проще устроиться на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.